

Б. М. ЮНУСАЛПЕВ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕНАРОДНОГО
КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

1

При объяснении происхождения общенародного киргизского языка мы исходим из известного в науке положения о том, что в основе формирования общенародных, общеплеменных и общеродовых черт языка лежит общественная функция языка, выступающего в качестве «важнейшего средства общения» между членами данного языкового коллектива. Языковая общность на всех ступенях развития человеческого общества (род, племя, народ) не может возникнуть без длительного экономического и культурно-политического общения представителей коллектива. «Язык, — пишет И. В. Сталин, — относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он складывается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка»¹.

Но общение возможно лишь при наличии общности территории. При этом территориальная общность должна сохраняться в течение веков, из поколения в поколение. Кроме того, имеет значение и интенсивность общения. Все указанные факторы, взятые вместе, составляют непеременимые исторические условия, в которых формируется общенародный язык. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что чем теснее и длительнее общение между разноплеменными, хотя и родственными (чаще всего по языку) этническими группами, из которых формируется народ, тем скорее завершается процесс формирования общенародного языка и быстрее происходит нивелировка диалектных особенностей.

При интерпретации языковых фактов в связи с историей народа мы исходим также из положения, что процесс формирования общенародного языка неразрывно связан с процессом формирования его носителя — народа.

Общенародные черты (или признаки), рассматриваемые в историческом плане и взятые из наиболее устойчивых областей киргизского языка — из фонетики, грамматики и основного словарного фонда, — подразделяются на четыре группы. Рассмотрим эти группы каждую в отдельности.

2

В первую группу входят наиболее древние черты, общие для близкородственных и дальнеродственных языков. Сюда могут быть отнесены:

1. Общая структура производного слова (корень + аффикс словообразования + аффикс словоизменения при отсутствии префиксации), а

И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 22.

также предложения (подлежащее предшествует сказуемому, определение предшествует определяемому и т. д.).

2. Наиболее древние словообразовательные и словоизменительные морфемы (например, тюрк. *-ра-* // монг. *-р-* в словах: кирг. *күбүрө* «шептать» // монг. *гүбер-* «бормотать, ворчать» наряду с кирг. *күбүр* «шопот»; тюрк. *сач-* // *чач-* «разбрызгивать» и *сачира-* // *чачира-* // монг. *цацара-* «разбрызгиваться»; аффикс *-кай* // *-хай* в тюрк. *анкай-* // монг. *ангай-* «зиять; ротозейничать» и др. наряду с тюрк. *аң* «сознание» и *аң* «яма»; аффикс *-л-*: монг. *арил-* «очищаться» // тюрк. *арил-* «быть вычищенным» наряду с тюрк. *арыт-* «вычищать» и монг. *арчи-* «очищать»)¹.

3. Наиболее древний состав корневых слов, в особенности корневых глаголов, например, тюрк. *сура-* ∞ *сурга-* «спрашивать» // монг. *сура-* «спрашивать», тюрк. *тун-* «отстаиваться (о воде)» // монг. *туна-* «отстаиваться», тюрк. *кон-* «ночевать, садиться (о птице)» // монг. *хона-* «ночевать», тюрк. *сыз-* ∞ *чыз-* «чертить, проводить линию» // монг. *зура-* «чертить, рисовать»; тюрк. *кара* // монг. *хара* «черный», тюрк. *көк* // монг. *хөх* «синий» и т. д.

4. Грамматическое значение основ глагола — повелительное наклонение единственного числа 2-го лица: тюрк. *саг* // монг. *сага* «подой».

5. Действие закона сингармонизма, обусловленного характером препалатальных и постпалатальных гласных.

6. В области основного словарного фонда можно указать на общность слов, которые обозначают наиболее древние понятия и предметы (основные анатомические, животноводческие, земледельческие термины, термины родства и названия орудий труда). Например:

а) термины анатомические: кирг. *бел* «талия» // монг. *бэл* «стан»; кирг. *жүрөк* // монг. *зүрхэн* «сердце»; кирг. *кыл* «волос (чаще о гриве и хвосте)» // монг. *килгасун* «конский волос» (ср. с тем же корнем кирг. *кылкан* «кости рыбы») и т. д.²;

б) термины родства: кирг. *ага* // монг. (халх.) *ахха* «старший брат»; кирг. *бажа* // монг. *база* «свояк»; кирг. *жээн* // монг. (письм.) *жиге*, халх. *зээ* «племянник»; кирг. *күйөө*, др.-уйг. *күдэгү* // монг. *хургэн* «зять, жених» и т. д.;

в) названия орудий труда: кирг. *балта* // монг. *балта* «топор», кирг. *бургу* // монг. (бурят.) *бургаи* «сверло»; кирг. *бүлөө* // монг. (письм.) *билегүй* «точило»; кирг. *тегирмен* // монг. (письм.) *тегерме* «мельница»; кирг. *кайчы* // монг. *хайч* «ножницы» и т. д.;

г) термины животноводства: кирг. *айгыр* // монг. *азарга* «жеребец»; кирг. *бука* // монг. *буха* «бык-производитель»; кирг. *буура* // монг. (письм.) *бугура* «верблюд-самец»; кирг. *музоо* // монг. (письм.) *бирагу* «теленок»; кирг. *төө*, уйг. *түйгэ* // монг. *темеген* «верблюды»; кирг. *кой*, туркм. *коин* // монг. *хонин* «овца» и др.

3

Во вторую группу включается гораздо более широкий круг языковых явлений, общих для так называемых близкородственных языков. Подавляющее большинство языков, сохраняющих древнейшие черты, имеет почти полное совпадение не только системы гласных, но и системы согласных³. Наиболее древняя часть основного словарного фонда, в особен-

¹ Подробнее о тюрко-монгольских аффиксах см. G. J. Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, Helsingfors, 1912.

² Для краткости из близкородственных языков приводится только киргизская форма.

³ Следует заметить, что в приложенном к «Памятникам древнетюркской письменности» С. Е. Малова (М.—Л., 1951) словаре все слова, начинающиеся со звуков *р*,

ности его ядро — корневые слова, в них почти полностью совпадает, различаясь главным образом фонетически и отчасти семантически в зависимости от классификационных групп; ср. огуз. *даг* // юго-вост. *таг* // кыпч. *тав* // кирг. *тоо* «гора» // якут. *тыя* «лес»; огуз. *баг* // кыпч. *бав* // кирг. *боо* // якут. *быа* «связка, шнур»; огуз. *саг* — // кыпч. *сав* — // кирг., алт. *саа* — // якут. *ыа* — «дойть». Совпадение форм и семантики многих грамматических категорий (падежные, глагольные, отглагольные и другие производные формы) во всех близкородственных языках вообще и в особенности внутри одной классификационной группы — общеизвестно. Например, формы глагола на *-ган* (огуз. *-ан*), *-ар*, деепричастие на *-а* ⁷/_е *й*, *-н* свойственны почти всем близкородственным языкам.

Отмеченные ранее тюркологами общие черты внутри каждой классификационной группы тюркских языков свидетельствуют о том, что в очень отдаленную от нас эпоху, вероятно, имела место общность носителей этих языков.

Обычно при классификации тюркских языков киргизский язык включался в кыпчакскую группу, где главными признаками считались: переход конечного звонкого *g* в *y* (*таг* > *тау*), выпадение конечного *g* (*сары*, *атлы*)¹. Бесспорная близость киргизского и алтайского (ойротского) языков и их отличия от других входящих в кыпчакскую группу языков не могли оставаться незамеченными, а поэтому они выделялись некоторыми авторами в особую подгруппу то под названием домонгольской², то под названием киргизско-ойротской³.

В результате изучения фонетических изменений, произошедших в структуре корневых слов в ходе истории киргизского языка, мы пришли к выводу, что киргизский и алтайский языки, несмотря на ряд фонетических, морфологических и лексических сходств с кыпчакской и отчасти чагатайской группой, должны быть выделены в особую классификационную группу. Поэтому в принципе мы вполне согласны с Н. А. Баскаковым, когда он в своей классификации тюркских языков выделяет современные киргизский и алтайский языки в особую классификационную группу⁴.

4

Признаки, сближающие киргизский и алтайский языки и в то же время отличающие их от других родственных языков (в том числе казахского, узбекского и уйгурского), включаются нами в третью группу общенародных черт.

в, *з* и *жс*, оказываются заимствованными; согласные *ф*, *х* не встречаются в корневых общетюркских словах.

¹ См.: Ф. Корш, Классификация турецких племен по языкам, «Этнограф. обозрение», 1910, № 1—2, стр. 122 и сл.; см. также «Некоторые дополнения к классификации турецких языков», Пг., 1922.

² См. «Некоторые дополнения...», стр. 11.

³ См. И. А. Батманов, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 90.

⁴ См. Н. А. Баскаков, К вопросу о классификации тюркских языков, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 133. Из отмеченных автором признаков, с нашей точки зрения, не являются характерными для обоих языков и в то же время отличающими их от других языков кыпчакской группы следующие: 1) «слабое по диалектам различие глухих и звонких согласных» (кроме, пожалуй, одной пары согласных *с* и *а* для киргизского); 2) «наличие шипящих согласных *ч* — *ш*, в отличие от кыпчакско-ногайской группы языков, где этим согласным соответствуют *ш* — *с*»; 3) «наличие в начале слов преимущественно глухих согласных...»; 4) «озвончение глухих согласных в интервокальной позиции...» (нехарактерно только для одного киргизского языка); 5) «тенденция превращения полных личных аффиксов в сокращенные...» (в одинаковой мере имеет место в казахском и других языках).

Эту группу признаков мы охарактеризуем несколько подробнее, ибо она является преобладающей как по своему объему, так и по своей значимости.

Фонетика

1. Наличие восьми парных гласных полного образования *a* и *e*(э), *o* и *ө*, *y* и *ү*: *ы* и *и*¹ в противоположность, например, казахскому языку, где имеются гласные неполного образования, (*ур*). *ү* (*ур*) и др.

2. Последовательный сингармонизм, в частности, сохранение лабиальной гармонии в основе и в аффиксах: кирг., алт. *тоголок* // казах. *домалак* // узб. *думалак* ~ *йумалак* «круг, круглый»; кирг., алт. *өлбөгөндөр* // казах. *өлмегендер* // узб. *ўлмэгэнлэр* — отрицательная форма причастия прошедшего времени от глагола *өл-* «умереть»². Лабиальная гармония, пожалуй, в той же мере сохраняется и в современном якутском, что, вероятно, свидетельствует о каких-то отдельных исторических связях носителей этих языков.

3. Наиболее существенным фонетическим признаком является наличие долгих гласных вторичного образования в киргизском, а также в тувинском, хакасском, алтайском языках. В эпоху совместного проживания предков современных носителей этих языков в верховьях Енисея, вероятно, начинался процесс вокализации звонких согласных *g* и *g'*, а также заднеязычного носового *ŋ*, между гласными, что привело к возникновению вторичных долгих гласных:

а) примеры на долгий *a*: кирг. *джаа* // алт. *дьаа* // хак., тув. *чъаа* // татар. *жэй* «лук (оружие)»; кирг. *джаак* // алт. *дьаак* // тув. *чъаак* // хак. *ньаак* // орх., др.-уйг., туркм. *йаңак* «щека»;

б) примеры на долгие *o* и *y*: кирг., алт., тув., хак. *соол-* // казах. *сувал-* («сугал») «иссякнуть, испариться, высохнуть»; сев.-кирг., алт. *боос* // тув., хак. *поос* // уйг. и др. *богаз* // казах. *буваз* «беременная, стельная»; кирг., алт., тув., хак. *суур* // уйг., узб. *сугур* «сурок»;

в) примеры на долгий *э*: кирг., алт., тув., хак. *ээ*, узб., уйг. *эгд* // кирг. (таласск. диалект) *эйэ* «хозяин»; кирг., алт. *бээ* // тув., хак. *пээ* «кобыла»; кирг., алт., тув., хак. *ээн* «пустой, свободный»;

г) примеры на долгий *ө*: кирг., алт., тув., хак. *сөөк* // орх. *сөңүк* // ново-уйг. *суңак* «кость»; кирг., алт., тув., хак. *сөөл* // казах. *сүйел* // узб. *су'эл* «бородавка»; кирг., алт. *мөөрө-* // тув., хак. *мөөре-* // казах. *мөңре-* «мычать».

Как видно, до возникновения долготы должно было произойти дальнейшее преобразование заднеязычного *g*, перешедшего, как правило, в губно-губной проточный *ө*, и среднеязычного *g*, перешедшего в переднеязычный *й* («йот»). Этот предшествовавший вокализации процесс, вероятно, протекал в эпоху до образования кыпчакских языков; позднее процесс вокализации получил свое дальнейшее развитие. То, что уже в древнейшую эпоху из некоторых типов сочетаний развилась вторичная долгота, доказывается не только аналогичностью процесса вокализации,

¹ Наличие подобного явления в некоторых говорах других языков нами в расчет не принимается, поскольку оно не оказывается общенародным, тем более, что в них имеются не восемь, а девять гласных; например, в кыпчакском говоре узбекского языка имеется девятая фонема *ä*.

² В. А. Богородицкий в статье «Законы сингармонизма в тюркских языках» («Вестник науч. о-ва татароведения», Казань, 1927, № 6) делил тюркские языки на девять групп; в первую из них входят только киргизский и алтайский языки, где «губной сингармонизм проведен наиболее полным образом» (стр. 69).

но и возникновением долгот в одних и тех же словах¹. По крайней мере долгие *a*, *э*, *о* мы имели во многих словах в языках предков современных киргизов, алтайцев, хакасов и тувинцев (*таан* «галка», *сөөк* «кость», *джаа* «лук», *ээ* «хозяин» и др.).

Конечно, некоторые долгие гласные могли развиваться параллельно, но все же в результате действия единой закономерности, которая никак не могла возникнуть в условиях изоляции указанных языковых коллективов. Параллельное развитие на основе выработавшейся ранее закономерности происходило, разумеется, и позже, уже в условиях изолированности или при очень слабой связи хакасов и тувинцев с киргизами и алтайцами. Приведем примеры, иллюстрирующие сказанное:

кирг., алт., *уул* // тув., хак. *оол* «сын»;
 кирг., алт. *суук* // тув., хак. *соох* «холодный»;
 кирг., алт. *куур-* // хак. *хоор-* «жарить»;
 кирг. *дисууркан* // алт. *дьооркан* // тув., хак. *чоорхан* «одеяло»;
 кирг. *ууру* // алт. *уур* // тув. *оор* // хак. *огыр* «вор»;
 кирг. лит. *ооз* (диалект. *оос*) // алт. *оос* // тув., хак. *аас* «рот».

Расхождения здесь между киргизским и алтайским языками, с одной стороны, тувинским и хакасским, с другой, конечно, не случайны. Они свидетельствуют о какой-то изолированности этих двух групп языков после их довольно длительной общности. С другой стороны, совпадения внутри каждой из этих групп сигнализируют о их продолжавшемся общении друг с другом после распада их первоначальной общности.

Поэтому однотипность образования долгих гласных из сочетания гласный + звонкий согласный + гласный в киргизском и алтайском языках рассматривается нами как результат того, что носители киргизского и алтайского языков после распада единой общности продолжали общаться между собою еще долгое время.

Что касается судеб сочетаний гласный + заднеязычный звонкий согласный *г* (или среднеязычный звонкий *з*), то следует сказать, что они в хакасском и тувинском остались совершенно не затронутыми (ср. тув., хак. *суг* «вода», *таг* «гора», *паг* «веревка, шнур» и др.; хак. *үгрет*, но алт. *үйрөт*-, кирг. *үйрөт*- «учить», хак., тув. *эг*-, алт., кирг. *ий-* «гнуть»), тогда как в киргизском и алтайском эти сочетания развились в долгие гласные, сохранив в диалектах дифтонг, на чем подробнее остановимся ниже².

¹ Для краткости мы не приводим исторических сведений, свидетельствующих о том, что предки современных киргизов, алтайцев, хакасов, тувинцев составляли единую общность в верховьях Енисея и южнее его. Сошлемся лишь на источники по истории енисейских киргизов: В. В. Бартольд, *Киргизы*. (Исторический очерк), Фрунзе, 1943; С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М.—Л., 1949, стр. 314—362; Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 350 и сл.; Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, [Новосибирск], 1948; П. Мелников, *Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями*, ЖМНП, СПб., 1898, июнь, стр. 278 и сл.

² Вторичная долгота вообще характерна и для ряда других тюркских языков, но она имеет в них иную фонетическую закономерность возникновения; например, в ново-уйгурском долгота возникает за счет выпадения *p*: *базаа* < *базар*; *баамайсу* < *бармайдусу*; или за счет выпадения *л*: *ал*, но *аамаду*; в диалектах турецкого языка имеем *даа* < *даг*, тогда как в киргизском долгота этого сочетания имеет диалектный характер и дает не долгое *a*, а долгое *о*: *тоо*, ср. алт. *туу*. В якутском языке киргизско-алтайской долготы, как правило, соответствует восходящий дифтонг, но в отдельных подобных случаях имеем долготу: кирг. *джаа* || якут. *саа* «лук (оружие)», кирг. *туу* || сев. диалект *туу* || якут. *туу* || узб. *туғ* «знамя» (см. W. R a d l o f f, *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*, СПб., 1908, стр. 6—10).

Как в алтайском, так и в киргизском имеется восемь долгих гласных: *аа, ээ, өө, оо, үү, уу, ии, ыы*¹.

4. Близость фонетической структуры и действие аналогичных фонетических закономерностей проявляются и в том, что многие аффиксы в современных алтайском и киргизском языках имеют одинаковое количество фонетических вариантов. Так, количество фонетических вариантов гласного аффикса *-ла* в тюркских языках колеблется от 2 до 16, только в киргизском и алтайском языках он имеет по 12 вариантов². То же самое наблюдается с аффиксом множественного числа *-лар*: в киргизском и алтайском языках имеется по 12 вариантов, в казахском — 9, тувинском — 8, татарском — 8, башкирском — 16, в узбекском и уйгурском — по 2.

5. Известно, что фонетические варианты аффикса обладания *-лыг* в зависимости от выпадения или сохранения конечного согласного (*таглыг таглы*) тюркологами рассматривались в качестве одного из классификационных признаков³. В современном киргизском и алтайском, в зависимости от говора, имеем в этом аффиксе или долготу, или дифтонгическое сочетание с сильно огубленным звуком *w* (*тоолуу* или *товлуw*, *аттуу* или *аттуw*, *үйлүү* или *үйлүw* и т. д.), в кыпчакской группе имеет место выпадение конечного согласного (*атты* или *атлы*, *тавалы*, *үйли*), в чагатайской и огузской группах сохраняется древняя форма — *лыг* (*таглыг*, *атлыг*).

6. Судя по наблюдениям Н. Ф. Катанова⁴, аффикс отрицания глагола, личный аффикс множественного числа 3-го лица и вопросительная частица только в киргизском и алтайском имеют нососовой губно-губной вариант на *б(п)*: кирг., алт. *алба* // чагатайск. и огуз. *алма* «не бери»; кирг., алт. *атпа* // чагатайск. и огуз. *атма* «не стреляй», кирг., алт. *алабыз* // чагатайск. и огуз. *аламыз* «мы возьмем, берем»; кирг., алт. *мал бы?* // чагатайск., огуз. *мал мы?* «скот ли?» Смешанные [нососвой *м* и нососовой *б(п)*] варианты наблюдаются в казахском, ногайском и других языках кыпчакской группы.

7. Кроме того, киргизский и алтайский языки имеют такие особенности, как переход в косвенных падежах *и* после *р* в *д* в словах: *орун* > *орду* вместо *орну* в других языках, *эрин* > *эрди* вместо *эрни* в других языках, *карын* > *карды* вместо *карны* в других языках; утрата конечного *з* во множественном числе: *силер* вместо *сизлер*, *сиздер* в других языках⁵; выпадение конечного *а* в слове *бала* во множественном числе: *балдар* вместо *балалар* в других языках⁶.

¹ В алтайском языке долгие *и* и *ы* в основах встречаются довольно редко и развились они из сочетания *и + й + и* или *ы + й + ы*; ср. *ийир* > *иир* «прямать», *дйит* «парень», но *ийин* «плечо», *ийик* «веретено», *кийик* «дикий зверь». До сих пор грамматисты не отмечали в киргизском наличие долгих *ы* и *и*. По нашему наблюдению, долгота этих гласных во всех диалектах в будущем предположительно времени на *-ар* несомненна: *байы* — *байыыр*, *чири* — *чириир*, *ури* — *уриир*. Кроме того, я полагаю, что лабораторная запись живого произношения в контексте таких основ, как *ирип* (*кой*), *кйинип* (*ал*) и др., даст несомненную долготу. В юго-западном (ичкильском) диалекте киргизского языка, кроме указанных восьми долгих, встречаем долготу гласного *э*: *мээлим* «учитель», *бээр* «весна».

² Эти цифры взяты нами из таблицы Н. Ф. Катанова. См. его «Опыт исследования урянхайского языка...» (Казань, 1903), табл. XI.

³ См. «Некоторые дополнения...», стр. 12 и сл.

⁴ См. Н. Ф. Катанов, указ. соч., §§ 66, 73 (табл. XIV).

⁵ Форма *силер* встречается в уйгурском языке и генетически связанных с ним говорах узбекского языка (например, в наманганском говоре); см. В. В. Решетов, О наманганском говоре узбекского языка, сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 227.

⁶ Форма *балдар*, по устному заявлению башкироведа Кийебаева, встречается в одном из говоров башкирского языка.

8. Наконец, киргизский и алтайский языки имеют группу слов, в которых выпали начальные аффрикаты *дж* // *дз* перед узкими гласными: кирг., алт. *ыр* // казах. *жыр*, татар. *йыр* «песня»; кирг., алт. *ыйла*¹ // казах. *жыла*-, татар. *йыла*-, узб. *йыгла* «плакать»; кирг., алт. *ыраақ* // казах. *жырак*, узб., уйг. *йырақ* «далеко, далекий».

Морфология

Важнейшие морфологические признаки, отличающие современный общенародный киргизский язык от всех окружающих и вообще от других родственных языков, также находят себе соответствия в алтайском языке. Приведем некоторые из этих общих киргизско-алтайских признаков, наблюдаемых чаще всего в глагольных или в отглагольных формах.

1. Совпадение формы настоящего-будущего времени в 3-м лице² на-т, восходящий к сочетанию деепричастий на $\frac{a}{e}$ й + вспомогательный глагол *дур* // *тур*: кирг., алт. *алат* // татар. *ала* // казах., узб. *алады* // уйг. *алиду* «он (она, оно) берет, возьмет».

2. Из форм прошедших времен глагола следует отметить:

а) киргизско-алтайскую форму прошедшего времени неожиданности на-ып + тыр: *барыпты* // казах., уйг., узб. с выпадением конечного *р* — *барыпты* «оказывается, ходил»; в современном хакасском сохраняется конечный *р*, но формант *-тыр* присоединяется не к деепричастиям на-н, а прямо к основе глагола: *партыр*;

б) сложное прошедшее незавершенное время типа кирг., алт. *баратты* «он (она) в данное время шел (ехал) в пути», которое в такой форме и значении в окружающих языках не встречается. Оно восходит к сочетанию *бара* + *жатты*.

3. В качестве специфических киргизско-алтайских форм наклонения можно указать следующие:

а) форма повелительного наклонения 1-го лица множественного числа на-лы: кирг., алт. *баралы* «пойдем», которой соответствует в узб. лит. *борайлиқ*, уйг. *барайли*, казах. *барайық*. Повторяю, что данная форма выделяется как общая киргизско-алтайская, хотя она встречается в восточном диалекте современного уйгурского и в смежном с киргизским говоре казахского языка³;

б) киргизско-алтайская форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа на-ңар: *барыңар* «идите-ка». Судя по таблице Н. Ф. Катанова, привлекавшейся для сравнения 48 родственных тюркских языков, данная форма встречается в говорах современного хакасского и тувинского языков, что исторически вполне объяснимо. Форма-ңар исторически возникла путем стяжения полной формы на-ң + *дар*, которая сохраняется ныне в казахском (*барыңдар*), ср. уйг. *барыңла(р)*, *эмиңла* < *алиңлар*.

4. Из сложных глагольных конструкций в качестве общей киргизско-алтайской формы можно указать еще на деепричастие на-н + глагольная частица *эле* (в южном диалекте алтайского языка и ичкиликском го-

¹ Любопытно заметить, что в енисейских надписях мы имеем *ыгла* — «плакать», что вполне закономерно соответствует современному кирг., алт. *ыйла*, где *й* после узкого гласного *ы* перешел в *й*; ср. аналогичное явление в соответствиях: кирг. *сый-узб. сый-* «вместиться», кирг. *дыый-* || узб. *йығ-* «собирать». В древнеуйгурском и современных тюркском и азербайджанском имеем форму *аела*—.

² См. Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, М.—Л., 1940, § 113.

³ См. Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка, «Известия АН Казах ССР», Серия филологическая, вып. 4 (29), 1946, стр. 58 и сл.

воре киргизского языка *ле*). Авторы «Грамматики алтайского языка» отмечали эту форму со значением продолжительности, незавершенности действия: *ол дьүрүп ле отурды* «он (она) продолжал идти»¹. В современном киргизском мы имеем то же самое: *ал джүрүп эле отурду* в том же значении. Эта форма, кажется, встречается в некоторых говорах уйгурского языка, что также исторически вполне объяснимо.

Далеко не исчерпанный нами перечень общих киргизско-алтайских фонетических и морфологических признаков можно на этом ограничить, ибо приведенного вполне достаточно, чтобы убедиться в особых исторических взаимоотношениях между современными киргизским и алтайским языками и их носителями.

Если мы при сравнении современных форм в этих двух языках находим очень много общих, притом для киргизского о б щ е н а р о д н ы х, признаков, то в то же время сравнение общекиргизских форм с формами таких родственных языков, как казахский, узбекский и отчасти уйгурский, не дает нам ни одного существенного признака, объединяющего или сближающего современный общенародный киргизский язык с одним из названных выше языков, хотя киргизский народ, как известно, в последние века, по крайней мере с начала XVI в., живет в непосредственной близости с носителями этих языков и имеет с ними тесные культурно-экономические и политические связи. Конечно, это взаимодействие не могло не привести к возникновению общих черт в лексике. Это прежде всего заимствованная до революции иранско-арабская лексика, значительная часть которой прочно закрепилась в современных среднеазиатских языках, например: *кат* «письмо», *мектеп* «школа», *пахта* «хлопок», *мөмө* «плод (ягода)», *таза* «чистый», *соода* «торговля», *тараза* «весы» и т. д. Много общего создано в этих языках в послереволюционный период.

Все вышеперечисленные факты об общекиргизско-алтайских соответствиях подтверждают гипотезу В. А. Богородицкого, который писал следующее: «Ввиду приведенных и других сходств при одинаковости законов губного сингармонизма будет правдоподобным допустить, что некогда каракиргизский диалект находился в смежности и единении с алтайским и лишь впоследствии занял настоящее свое местоположение»². В подтверждение этого предположения, сделанного, надо сказать, из одного лишь, но существенного факта (действие закона лабиальной гармонии гласных), автор ссылаясь на исторические сведения об енисейских киргизах. «Этот вывод, — писал он, — полученный чисто лингвистическим путем, находит себе и историческое подтверждение в сказаниях китайцев, гласящее между прочим, что каракиргизы к концу VI в. составляли обширное сильное государство, вобравшее в себя племена, обитавшие на юге Енисейской губ., на востоке доходившее до Байкала, на юге — до Вост. Туркестана и может быть еще далее»³.

Лексика

Факты из области общего для киргизского и алтайского языков основного словарного фонда, который в подавляющей части по своей структуре дает единый фонетический тип и близкую семантику, свидетельствуют о том, что указанные фонетические и морфологические черты формировались в эпоху развития общего для них языка-основы.

Сходство же фонетической структуры весьма существенно, ибо, как известно, основной словарный фонд в своей наиболее древней части в

¹ См. «Грамматика алтайского языка», Казань, 1869, стр. 97 (§ 115).

² В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 70.

³ Там же.

близкородственных языках различается главным образом по фонетической структуре: ср. кирг., алт. *толө-//* казах. *толө-//* уйг. *толмэк!//* татар. *тулэ-* «платить».

Кроме того, в основном словарном фонде, который исторически не является неизменным, имеется группа слов, иногда и корневых, встречающихся только в ограниченной части родственных языков.

С этой точки зрения представляют интерес слова, встречающиеся во всех говорах киргизского языка, а также, судя по лексикографическим источникам, в уйгурском и алтайском языках или только в киргизском и в алтайском языках.

Приведем некоторые из них:

1. Слова, встречающиеся в киргизском, уйгурском и алтайском языках:

а) кирг., уйг. *чоң* «большой»; алт. *чоң* «качество»;

б) алт., кирг., уйг. *чогул-* «собираться», от ныне мертвого в киргизском и уйгурском односложного глагола *чок-* «собирать», который сохраняется в алтайском; ср. монг. (письм.) *чуг* «вместе», *чугла-* «собираться»;

в) кирг., алт. *торө-*, уйг. *торэ-*, ср. монг. (письм.) *төрүй-* «рождать»;

г) кирг., уйг. *кол-* «вставать, подниматься» (не встречается в среднеазиатских языках);

д) кирг., алт. *уй* «корова» (самка); в уйг. *уй* «бык, вол». На юге, в юго-западном диалекте киргизского языка *уй* почти забыто, но встречается в устойчивых сочетаниях: *жундучу уй* «як», дословно «шерстистая корова» (среди памирских ичкиликов), *музошлуш уй* наряду с *торпоктугу сыйыр*, «тельная корова»;

е) кирг., алт. *топчу*, уйг. *топча* «пуговица»; ср. монг. *тобши id*, казах., узб. и др. *туyme*;

ж) кирг., уйг. *шук!* — междометие, обозначающее примерно русское «тес! тихо!»; ср. алт. *шыж* «мирный, тихий», *шык болду* «присмирел».

2. Слова, встречающиеся в киргизском и алтайском, а также тувинском и хакасском языках:

а) кирг., алт., хак., тув. *таан* «галка», на востоке Казахстана оно встречается в форме *таган!*;

б) кирг. *таар* «дерюга для мешка», алт., тув. «мешок, тара из дерюги», хак. *таар* «накидка»;

в) кирг., алт. *темене* «большая толстая игла»; ср. монг. *тэмэнэ*; казах., туркм. *тебен id*;

г) кирг., алт. *шибеге* «шило», монг. *шибүгэ id*, казах. *биз*, уйг., узб. *бигиз*;

д) кирг., алт. *чуркура-* «галдеть, шуметь»;

е) кирг., алт. *кокуй!* — междометие; производное от него: *кокуйла-//* *кокийла-* «кричать от испуга»;

ж) кирг., алт. *таң* — междометие, кроме возгласа удивления, имеет значение отрицания: *таң! билбеим* «не знаю»;

з) трудно объяснить параллельным развитием и киргизско-алтайскую форму *унчук-* «подавать голос, промолвить; издавать звук», которая восходит к сочетанию имени *ун* «голос» + глагол *чык-* «выходить»; ср. кирг. *унчуңду чыгарба* «голоса своего не подавай; замолчи!», казах. *даусынды шыгарма!* В казахском мы имеем также слившуюся форму *унде-* «подавать голос; звучать; призывать», где первым компонентом выступало то же имя *ун*, но вторым — другой глагол *де-* «сказать, говорить»; ср. то же в уйг., узб. *индимэк-* «отвечать словом, промолвить»;

¹ См. «Казако-русский словарь», М., 1925 (обл.: 1926), стр. 52; (на казах языке); ср. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, СПб., 1905, стр. 796, где это слово приведено в значении «голубь».

и) любопытно наличие в киргизском и алтайском двух форм слов, этимологически связанных с ныне мертвым вспомогательным глаголом *эр*: *эмей* со значениями в киргизском «а если не; разве; конечно», в алтайском «разве; ведь» (алт., кирг. *көп эмей* «разве не много!»); *эмесе* // алт. *эмесе* «если так; в таком случае; или».

Как видно, приведенные факты из области основного словарного фонда опять-таки связывают современный киргизский язык с тем же алтайским или, еще шире, с тувинским и хакасским языками, с одной стороны, и с уйгурским языком, с другой, тогда как мы не находим в основном словарном фонде киргизского языка группы слов, свойственной только киргизскому и узбекскому или только киргизскому и казахскому языкам. Иначе говоря, в области общенародной лексики мы замечаем то же самое явление, которое было обнаружено в области фонетики и грамматики при рассмотрении третьей группы общенародных черт в современном киргизском языке.

5

В качестве четвертой группы общенародных черт, свойственных только современному киргизскому языку, нами обнаружено следующее:

1. В области фонетики — джокание (в других родственных языках, как нам известно, оно имеет диалектный характер). Эта киргизская аффриката исторически может быть сопоставлена с алтайской звонкой аффрикатой *дь* или с хакасской звонкой аффрикатой *чь* и тувинской озвончающейся между гласными аффрикатой *ч*, но не с казахским жоканием или йоканием в других языках; ср. в иссык-кульском говоре киргизского языка чередование *ч* // *дж*: *чөзсө* // *жөдсө* «цыпленок», *дэсыгач* // *чыгач* «дерево».

2. В области морфологии можно указать в качестве специфических киргизских форм только две: во-первых, прошедшее время обычности на *-чу*, например *мен барчумун* «я обычно ходил (хаживал)», но эта форма встречается также в хакасском языке в древнем оформлении на *-чих*: *мен парчихын* «я ходил»¹; во-вторых, форма родительного падежа на *-нын*, которую можно считать исключительно киргизской формой, так как во всех других языках ей соответствует форма на *-ның* с заднеязычным носовым *ң* в конце²; ср. кирг. *баланын* // в других языках *баланың* «ребенка».

Из описанных кратко четырех групп общенародных языковых признаков первые две группы могут быть не приняты во внимание при характеристике современного киргизского языка, так как они в одинаковой мере являются общенародными и для любого из близкородственных языков (узбекского, казахского и других). Четвертая же группа общих черт коллественно слишком незначительна.

В освещении истории формирования общенародного киргизского языка важное место как по объему, так и по своей значимости должна занимать третья группа признаков, которая оказывается общей для всех современных диалектов киргизского языка и в то же время для южного диалекта современного алтайского языка.

Отсюда вытекает сам собой напрашивающийся и весьма существенный вывод о том, что в главных своих чертах общенародный киргизский язык сложился в период продолжительной общности предков — носителей современного киргизского языка и южных диалектов алтайского языка.

¹ См. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова - Грекул, Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 458 и др.

² В турецком языке *н* объясняется конвергенцией звуков *н* и *ң*.

Знаменитый ученый (лингвист и историк) начала XI в. Махмуд Кашгарский в предисловии к «Словарю тюркских наречий» при перечислении родов и племен Чуйской, Таласской, Иссык-Кульской долин, Тянь-Шаня и Ферганы не упоминает ни одного этнонима, встречающегося в составе современного киргизского народа. Говоря же о тюркоязычных племенах, живущих к востоку от Черного моря, он помещает киргизов на крайнем востоке территории, занятой тюркскими племенами, и указывает, что киргизы близки к стране Чин (т. е. Китаю). Подобное расположение киргизов того времени несколько перекликается с данными, имеющимися в анонимном труде «Худуд-ал-алем» («Границы мира»), согласно которому в период киргизского великодержавия киргизы были в городах Пенчуле¹ (около современного г. Учтурфан) и Аксу² (город носящий ныне то же наименование). О том, что основная масса киргизов в эпоху монгольского нашествия оставалась на отрогах Алтая, свидетельствует сообщение историка конца XIII и начала XIV в. Рашид-ад-дина. Он приводит живущую до сих пор в народе легенду о происхождении киргизов от 40 девушек и о том, что страна киргизов и Кэм-кэмджиут составляют одно владение³. Этот же автор указывает, что племена урасути и теленгуты «обитают в пределах страны киргизов», что племена ойротов монголоязычны и живут в верховьях той же реки Кэм (т. е. в восьмичерчии «Сегизмурзы»), что баргуты, туласы (вероятно, тölöсы) и канглы живут на Иртыше и в пределах гор между страной киргизов и страной уйгуров и т. д.

Доказательства того, что киргизы еще в конце XIII в. оставались в своей главной массе в районах южного Алтая и верховьев Енисея, находим, кроме указанных выше исторических источников, в труде историка-археолога С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», где он пишет следующее: «Однако и после этого (т. е. после нашествия киданей в XI в. — Б. Ю.) киргизы сохраняли свое государство на Енисее, отличавшееся независимостью и силой. Непоправимый удар киргизам был нанесен лишь завоеванием Чингизхана... Однако они (т. е. киргизы. — Б. Ю.) оставались опасными», в 1218 году «киргизы восстали в тылу монгольских армий... Новое восстание было поднято киргизами в 1254 г. ...монголы вынуждены были двинуть на Енисей 20 тыс. воинов... Но и усмирненные киргизы представляли, очевидно, большую опасность. Поэтому Хубилай-хан распорядился в 1293 г. вывести часть киргизов в Маньчжурию...»⁴.

Тот же автор на основании археологических материалов о взаимоотношениях киргизов и алтайцев пишет следующее: «Значительность киргизских черт в алтайской культуре IX—X вв. может служить новым основанием для предположения не только о культурной, но и о политической зависимости Алтая от киргизов»⁵.

Память о киргизах, как о многочисленном народе, сохранялась у жителей районов древнего обитания киргизов до недавнего времени. Знаменитый путешественник-этнограф Г. Н. Потанин в середине прошлого столетия писал, что «Чудские могилы дюрбюты приписывают народу,

¹ См. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 31.

² См. Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, стр. 364.

³ См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, М.—Л., 1952, стр. 150.

⁴ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 317.

⁵ Там же, стр. 314.

которым управлял Киргиз-хан, торгоуты их называют Киргизин-юр; в Забайкальи буряты приписывают их также киргизам»¹.

Много фактов, перекликающихся с данными лингвистики, мы имеем и в области этнографии. Историкам и тюркологам хорошо известно совпадение многих, причем наиболее распространенных, киргизских этнонимов с алтайскими, тувинскими и хакасскими, в составе которых имеется и название «кыргыз» а также встречаются общие этнонимы: *тöлөс*, *мундуз*, *багыш* (в виде *погоше*), *тастар*, *джелден* (в виде *челден*), *кызай*, *шыгай* (в виде *сагай*)², *мунгуш* (или *монгуш*), *бугу*, *саруу* (в виде *сарлар* и *сару*), *каба*, *азык* (в виде *ассык*)³ и другие. Обращает на себя внимание тот факт, что название *кыргыз* встречается среди алтай-кижи, а *бурут* (так называли киргизов калмыки) — среди теленгутов, т. е. опять на юге Алтая⁴.

Важно заметить, что все эти этнонимы являются характерными для киргизов и почти не встречаются у узбеков и казахов.

Любопытно сопоставить некоторые топонимические названия современной Киргизии и Алтая. Многие названия основных рек и местностей Киргизстана оказываются перенесенными из Алтая; ср. Чуй на Алтае и здесь, а также Каракуджур, Боом, Куркуре, Корумду, долина Кулунду и др., в то же время такие названия, как Нарын, Көкөмерен, Каракөл и др., вероятно, унаследованы от монгольского населения⁵.

Основываясь на описаниях китайских и азиатских географов путей к стране Кыргыз, В. В. Бартольд предполагал, что в древности киргизы жили не только на Енисее, называемом тогда Кэм, но и значительно южнее, в районах современного озера Кыргыз-нор в северо-западной Монголии⁶.

Судя по этим данным, киргизы до начала XIV в. располагались в верховьях реки Кэм (т. е. Енисей) и на юго-запад от нее, но в то же время не упоминаются они в качестве жителей Центрального и Западного Тянь-Шаня и Ферганской долины. Не говорит о них и Марко Поло, описывая путь из Самарканда через Памир в Кашгар и Хами⁷.

Ч. Валиханов на основании китайской летописи, которая в связи с енисейскими киргизами приводит легенду о происхождении киргизов от 40 девушек, делал заключение, что енисейские хакасы китайских летописей и тяньшанские киргизы тождественны⁸. Кроме того, он указывает, к сожалению, без ссылки на источники, что «в маршруте Гулагу 1253 встречаются киргизы (Килики-цзы) на Тянь-Шане и перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая (горная цепь юго-восточнее Алтайских гор. — Б. Ю.) и обратно продолжались и в последующие времена...»⁹. Возможно, что здесь речь идет о восточном Тянь-Шане.

¹ Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, СПб., 1881, вып. II, Примечания, стр. 11.

² Первые семь названий отмечены В. Радловым в его работе «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии» (перевод с немецкого, Иркутск, 1929, стр. 6, 7, 10, 11, 26).

³ Все эти этнонимы названы Г. Е. Грумм-Гржимайло (см. «Западная Монголия и Урянхайский край», т. II, стр. 539—543; здесь же даны соответствующие ссылки на источники).

⁴ См. Н. А. Баскаков и Т. М. Тошкова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 215, 217.

⁵ По-монгольски *нарын* «тесный, мелкий», *көкө* «синий», *мурэн* «река», *хара* «черный», *гол* «речка».

⁶ См. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 15—16.

⁷ См. И. И. Минаев, Путешествие Марко Поло, СПб., 1902.

⁸ См. Ч. Валиханов, Очерки Джунгарии, «Записки Имп. Русск. геогр. о-ва», 1861, кн. 2, стр. 46.

⁹ Там же.

Историк А. П. Чулошников, описывая события начала XV в. в Средней Азии, указывает, к сожалению, также без ссылок на источники, что на Востоке «черные» киргизы продолжали свои передвижения с Енисея на Памир и Тянь-Шань, что часть киргизов, оставшаяся еще на Востоке, примкнула к ойратам¹.

Нахождение небольшой части киргизов на Тянь-Шане, скорее всего в восточном Тянь-Шане, в XIII—XIV вв. вполне возможно, ибо в IX—X вв. западная граница киргизского государства доходила до Аксу и Кашгара. Последовавшие одно за другим нашествия каракитаев (киданей) в X—XI вв., монголов Чингис-хана в XII—XIII вв., калмыков в XIV—XVI вв. постепенно вытесняли киргизов с востока на запад и юго-запад, порою, быть может, угоняя покоренные киргизские племена.

Как известно, первые наиболее достоверные сведения о киргизах, как о довольно крупной силе на Тянь-Шане, мы имеем с начала XVI в. в связи с событиями, связанными с Султан-Халилем, который бежал сначала к киргизам, считавшимся «дикими львами» Моголистана, а затем ушел в Фергану, принадлежавшую в то время узбекам².

Предположение Н. А. Аристова о нахождении киргизов со II в. до н. э. на Тянь-Шане было отвергнуто В. В. Бартольдом также на том основании, что до XVI в. киргизы считались чуждыми исламу. В связи с этим весьма важно историческое известие, оставленное узбекским историком Махмуд-ибн-Бели (XVII в.), о том, что киргизы — не мусульмане, а кафиры, что 12 тыс. семей киргизов впервые прибыли в 1636 году через Каратегин в Гиссар и просили у узбекского хана в Балхе разрешения поселиться. Известно также и то, что одним из условий разрешения на поселение было принятие этими киргизами ислама. Надо полагать, что это было на Юге последнее переселение киргизов с Востока на Запад, связанное с джунгарским нашествием и оставившее в языке память: *Казак кайың сааганда, кыргыз кысар киргенде* «Когда казахи дошли березу (т. е. ушли в Сибирь), когда киргизы вопли в Гиссар».

Мне представляется, что это были предки памирских киргизов, которые ныне живут в Гармской и Горнобадахшанской областях Таджикистана и относят себя к отделу Ичкилик, поскольку другого такого перемещения киргизов в том районе позже мы не знаем. Нам хорошо известно, что эти киргизы из-за непреодолимых горных препятствий поддерживают весьма слабую и непродолжительную (в течение только 2—3 месяцев в году) связь как между собой в указанных областях, так и с киргизами западных районов Ошской области. С другой стороны, киргизы родов и племен отдела Ичкилик, жившие на Памире и Алае и далее на запад, за последние века, по крайней мере в известный нам с начала XVII в. период, оказались вообще географически изолированными. Это в еще большей степени относится к киргизам того же отдела, проживающим на западе и севере Кашгарии до городов Хотан, Турфан и Яркенд и частично на севере Афганистана³. Мало того, историкам хорошо известно, что за указанный период до самой Октябрьской революции весьма слабы и кратковременны были связи между киргизами отдела Тагай (северокиргизские племена) и отдела Адигине (южнокиргизские племена, кроме отделов Мунгуш и Ичкилик). Судя по данным современного языка и исторических известий, можно сказать, что за указанные 4—5 веков, до на-

¹ См. А. П. Чулошников, Очерки по истории казак-киргизского народа..., Оренбург, 1924, стр. 72 и сл.

² См. В. В. Бартольд, указ. соч., стр. 51—52.

³ О киргизах — представителях племен теит, кесек и других, живущих в указанных районах, см. Фонд Ин-та языка, лит-ры и истории Кирг. филиала АН СССР, инв. № 1057, стр. 179 и сл.

чала XIX в. северные киргизы больше общались с казахскими племенами, даже непродолжительно объединяясь с ними во времена Касым-хана и Джаныбек-хана, нежели со своими соплеменниками на юге. Южные же киргизы имели тесное культурно-экономическое и политическое взаимоотношение с узбеко-уйгуро-таджикоязычным населением Ферганской долины, Памира и Кашгарии. Такое обстоятельство не могло не привести к довольно серьезным расхождениям в наиболее изменчивой области их языка — в лексике, что действительно наблюдаем мы ныне на ирано-арабских заимствованиях, которые в ряде случаев у южан оказались настолько прочными, что начали вытеснять исконные киргизские слова.

История киргизов в тьяншанский период еще раз подтверждает тот вывод, что общенародный киргизский язык мог сложиться и в действительности формировался далеко на Востоке, на юге Алтайского хребта, по крайней мере до XIV—XV вв. Процесс его формирования, вероятно, начался гораздо раньше, еще в первом периоде истории енисейских киргизов, в I—VIII вв. н. э., о чем свидетельствуют отмеченные нами выше общие признаки с хакасским и тувинским языками. Окончательное формирование общенародного киргизского языка может быть отнесено ко второму периоду истории киргизского народа, а именно к VIII—XII вв., т. е. до момента каракитайского (киданского) нашествия.

В этот период продолжительной общности носителей всех основных диалектов киргизского языка и южноалтайского диалекта и сложились общие киргизско-алтайские черты, кратко описанные нами выше. Так как эти общие киргизско-алтайские черты оказываются по своему объему и значимости основными, решающими в характеристике современного киргизского языка, то мы приходим к выводу, что современный общенародный киргизский язык сложился не в тьяншанский период разобщенности киргизских племен, а в более древнюю эпоху истории киргизского народа.
